

Научная статья
УДК 930.25(571.53)
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/98-107>

Влияние китайской организованной преступности на криминальную обстановку Восточной Сибири в начале XX века

Артем Сергеевич Петров
Забайкальский государственный университет, Чита, Россия, partem11@rambler.ru

Аннотация. В статье на основе разноплановых исторических источников осуществлен анализ влияния китайских преступных группировок на развитие преступности в Восточной Сибири в начале XX века. Исследованием доказывается, что китайские уголовники в составе организованных преступных групп достаточно часто проникали в приграничные города и сельскую местность восточной части Сибири. В условиях таёжной и сельской местности обычно делали вылазки банды, состоявшие из 10–40 хунхузов. В городах совершали преступления более мелкие группировки в составе 3–4 человек. При этом хунхузы, действовавшие в Восточной Сибири, были хорошо оснащены огнестрельным оружием. В период Первой мировой войны присутствие организованного китайского криминалитета на территории Российской империи приобрело особенно массовый характер. Приграничное расположение Восточной Сибири существенно осложняло борьбу органов правопорядка с хунхузничеством.

Ключевые слова: *Российская империя, Восточная Сибирь, Китай, хунхузы, преступления*

Для цитирования: Петров А. С. Влияние китайской организованной преступности на криминальную обстановку Восточной Сибири в начале XX века // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 3. С. 98–107. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/98-107>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/98-107>

The influence of Chinese organized crime on the criminal situation in Eastern Siberia at the beginning of the XX century

Artem Sergeevich Petrov
Transbaikal State University, Chita, Russia, partem11@rambler.ru

Abstract. Based on diverse historical sources, the article analyzes the influence of Chinese criminal gangs on the development of crime in Eastern Siberia at the beginning of the 20th century. The study proves that Chinese criminals as part of organized criminal groups quite often penetrated the border cities and rural areas of the eastern part of Siberia. In the conditions of the taiga and rural areas, gangs consisting of 10–40 hunghuz usually made sorties. In cities, smaller groups of 3–4 people committed crimes. At the same time, the Honghuzi operating in Eastern Siberia were well equipped with firearms. During the First World War, the presence of organized Chinese criminals on the territory of the Russian Empire became especially widespread. The border location of Eastern Siberia significantly complicated the struggle of law enforcement agencies against the Hunhuzism.

Key words: *Russian Empire, Eastern Siberia, China, Honghuzi, crimes*

For citation: Petrov A. S. The influence of Chinese organized crime on the criminal situation in Eastern Siberia at the beginning of the XX century // Ojkumena. Regional researches. 2023. № 3. P. 98–107. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/98-107>

Организованная преступность – это одна из острейших проблем современной действительности. Общемировые процессы глобализации существенным образом влияют в том числе и на организованную преступность, которая в последние годы приобретает всё более и более транснациональный характер [46, с. 5–7; 51, с. 4]. В современных условиях оптимизации инструментария противодействия организованной транснациональной преступности увеличивается исследовательский интерес к вопросу становления и развития этого негативного явления.

Приступая к исследованию заявленной проблемы, отметим, что под организованной преступностью автор понимает специфическую форму преступности, которая предполагает совместное совершение преступлений несколькими лицами (соучастниками) на определенной территории и в определенный период времени. Обычно для организованной преступности (для организованных преступных групп) характерны: иерархическое устройство, коррупционные связи с представителями власти, устойчивость преступной деятельности, общая для соучастников материально-техническая база, тенденции к слиянию с другими преступными группировками (организациями),

раздел сфер влияния между преступными группировками [1; 2, с. 629–633; 50, с. 355–357].

История Восточной Сибири особенным образом связана с преступностью. Многие аспекты этой проблемы учёными в прошлом уже анализировались. Однако некоторые вопросы всё ещё требуют научного внимания исследователей. К таковым можно отнести проблему китайской организованной преступности на территории Восточной Сибири в начале XX века.

Целью данного исследования является системный анализ влияния китайских организованных преступных групп на криминальную обстановку в Восточной Сибири в начале XX века. Методологическую основу исследования составляют положения о цивилизационной модернизации общества и о взаимосвязи всех явлений общественной жизни. Организованная китайская преступность исследовалась автором посредством историко-системного подхода, что позволило рассматривать изучаемый объект как составную часть преступности начала XX века в Восточной Сибири. В работе использовались историко-сравнительный и статистический методы, а также методы общенаучного анализа, сопоставления и обобщения. Исследование основывается на статистических источниках, делопроизводственной документации различных ведомств, а также материалах периодической печати начала XX века.

Проблема китайского бандитизма в начале XX века в Восточной части Российской империи поднималась многими учёными, в том числе Н.А. Шабельниковой, Д.В. Ершовым, А.И. Петровым, Ф.В. Соловьевым, В.В. Синиченко, Г.А. Сухачёвой. Проанализировав огромный объем фактического материала, исследователи приходили к неизменному выводу о массовости этого явления на территории Дальнего Востока Российской империи в начале XX века [16, с. 220–233; 26, с. 112–132; 47, с. 88–110; 44, с. 185–188; 45, с. 170–184; 49, с. 92–95; 53, с. 415–417]. Существенный вклад в разработку проблемы хунхузничества внесли также исследователи китайской миграции в начале XX века на русский Дальний Восток [7, с. 480–510; 8, с. 188–196; 21, с. 126–132; 24, с. 330–348; 48, с. 244–256; 27; 31, с. 14–18; 32, с. 125–128]. Следует отметить, что ценный фактический и статистический материал о китайской организованной преступности в начале XX века содержится также в работах, посвященных правоохранительным органам Дальнего Востока Российской империи [6; 52, с. 48–50; 54, с. 34–36]. Примечательно, что основательной исторической проработке подвергалась в большей мере иностранная преступность дальневосточных территорий Российской империи. Иностранная преступность Восточной Сибири удостоилась внимания учёных в меньшей степени.

По уровню криминализированности Прибайкалье и Забайкалье Российской империи в начале XX века обычно находились в числе лидеров. Согласно статистике, в пересчете на число жителей тяжких преступлений в Восточной Сибири ежегодно регистрировалось гораздо больше, чем в среднем по стране. Например, в 1907 г. в Иркутской губернии, где проживало 564 300 жителей, было зарегистрировано 4453 тяжких преступлений. В Забайкальской области, где проживало 741 900 жителей, было зарегистрировано 2882 тяжких преступлений. В пересчете на число жителей это было в 1,5 раз больше, чем в среднем по Российской империи. Особенно же много из года в год в восточной части Сибири совершалось убийств. Так, в 1907 г. только убийств в Иркутской губернии было совершено 678. В Забайкальской области было совершено 493 убийств. В пересчете на число жителей это было примерно в 2,5 раза больше, чем в среднем по Российской империи. Даже в таком особенно криминальном городе как Санкт-Петербург, где проживало 1 662 300 жителей, было зарегистрировано 580 убийств. Тяжких преступлений в этот год в Санкт-Петербурге было зарегистрировано 10 386 (ГАЗК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 133. Л. 78–78об, 113об–114, 122об–123)¹ [14, с. 29–53, 54–59; 39, с. 145, 162, 163, 171, 175; 40, с. 42, 43]. В 1908 г. в Иркутской губернии было зарегистрировано 4283 тяжких преступлений, в Забайкальской области – 2730. В пересчете на число жителей это также было примерно в 1,5 раз больше, чем в среднем по стране. Убийств в Иркутской губернии, где в этот год проживало уже 577 700 жителей, было совершено 623. В Забайкальской области, где в этот год проживало

¹ ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края.

745 600 человек, было совершено 488 убийств. В пересчете на число жителей это было примерно в 3 раза больше, чем в среднем по Российской империи. В Санкт-Петербурге, где в этот год проживало уже 1 864 900 человек, было зарегистрировано всего 501 убийство. Всего тяжких преступлений в этот год в Санкт-Петербурге было зарегистрировано 9 997 [15, с. 29–50, 52, 53, 54; 41, с. 137–138, 141; 42, с. 44, 45; 25, с. 80].

Высокий уровень преступности Восточной Сибири был обусловлен многими факторами. Особое влияние исходило от многолетней ссылки в регион уголовного элемента, массовости каторжных и тюремных учреждений, малочисленности органов правопорядка, отдаленности от административного центра страны, объемности региона, низкой плотности населения, слабой освоенности региона, малого количества населённых пунктов, распространённости в обществе огнестрельного оружия, множества таёжных мест и т.д. Существенное воздействие исходило и от иностранных иммигрантов. И если иммигранты из таких азиатских стран, как Монголия, Корея, Япония, доставляли Российской империи не особенно много трудностей, то иммигранты из Китая приносили множество проблем, особенно связанных с преступностью (РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1914 г. Секретарская часть. Д. 41. Л. 1–17)² [4, с. 16–17; 7, с. 12–40; 8, с. 15–28; 10; 52, с. 42]. Промысловые богатства Восточной Сибири, возможность торговли и заработка в добывающей промышленности региона, а также реальная возможность перехода (в том числе и возможность незаконного перехода) через российско-китайский участок государственной границы порождали массовую китайскую миграцию, которая обладала очень высоким уровнем криминальности [28, с. 45–46].

Следует отметить, что территорию Восточной Сибири в начале XX века достаточно часто посещали различные китайские бродяги, мелкие воришки и хулиганы, которые не представляли особой опасности для российского населения. Однако периодически в регионе появлялись и достаточно опасные представители профессиональной китайской организованной преступности, которых в исследуемый период обыватели называли "хунхузы" или "хункузы" (ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 15048. Л. 176; ГАЗК. Ф. 26. Оп.1. Д. 374. Л. 10–14об) [1, с. 25]. Отметим, что хунхузами в самом Китае в начале XX века называли китайцев, входивших в состав организованных преступных сообществ, а слово "хунхуз" в переводе обозначало "красная борода" или "краснобородый" [38, с. 924; 53, с. 413–414]. Многие дореволюционные исследователи отмечали, что Манчжурия (северная часть Китая) была особенно богата хунхузами [44, с. 178–179]. Скрываясь от правительства Китая, эти нередко бездомные и бесхозяйные люди организовывались в достаточно крупные банды. Жили они благодаря преступлениям и всегда были готовы на любое рискованное мероприятие, в том числе и за пределами собственного государства [20; 33, с. 194–218; 38, с. 924]. В поисках криминального заработка хунхузы достаточно часто приходили и на российскую территорию (ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10325. Л. 465об, 511об; Ф. 26. Оп.1. Д. 427. Л. 56, 58об) [5; 11; 22].

Согласно научным данным, огромное количество китайских преступных сообществ в исследуемый период было сосредоточено на территории Приамурья и Приморья [52, с. 45–46]. Однако особенная криминальная активность хунхузов наблюдалась в приграничных районах Восточной Сибири. К примеру, в 1909 г. во Владивостоке китайские иммигранты в общей сложности были осуждены за совершение 9 убийств, в Иркутске – 2, а в административном центре Забайкальской области (г. Чите) – 34 [19, с. 130].

Анализ направляемых в Департамент полиции сводок правонарушений из Забайкальской области показал, что среди подозреваемых лиц подданные Китая встречались особенно часто. При этом в качестве убийц китайские иммигранты фигурировали чаще любого другого сословия, в том числе чаще крестьян. Хотя крестьяне в исследуемый период были самым многочисленным сословием в сословной структуре регионального общества (ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7024. Л. 123–124об, 131–131об, 137, 140об–148, 166–166об, 207–208, 223–223об, 237–249, 254–256об, 268–274, 284–296, 316–317, 327–328, 356; Д. 10086. Л. 13–13об, 24–39, 41–42об; Д. 10122. Л. 16–16об, 67–72,

² РГИА – Российский государственный исторический архив.

88–96об, 122–123, 132–142, 188–190об, 206–206об, 223–232об, 300–302об, 354об, 405–408об, 423).

Примечательно, что в Восточной Сибири хунхузы убивали и грабили не только собственных земляков, как нередко подчеркивают в своих публикациях некоторые учёные. Таких случаев действительно было очень много (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10083. Л. 168об, 399; Д. 10325. Л. 641об; Ф. 13. Оп. 2. Д. 42. Л. 32–32об; Ф. 26. Оп.1. Д. 374. Л. 73об, 124). Однако анализ источников показывает, что хунхузов мало заботила национальность жертв и их подданство, поэтому достаточно часто от рук китайских уголовников в Восточной Сибири погибали и российские граждане (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 7024. Л. 249, 289; Д. 10085. Л. 169об; Д. 10086. Л. 36; Д. 10325. Л. 32об; Ф. 26. Оп.1. Д. 374. Л. 3–3об) [33], и иные иностранцы, проживавшие в исследуемый период в регионе: корейские подданные, подданные Монголии, подданные Японии и др. (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10325. Л. 665об; Ф. 26. Оп.1. Д. 374. Л. 39).

Следует отметить, что крупные миграции хунхузов на российскую территорию наблюдались сразу после подавления восстания ихтуаней, а также после русско-японской войны. Учащались случаи перехода хунхузов в Россию также и в периоды усиления борьбы китайского правительства с бандитизмом в Китае (ГАЗК. Ф. 13. Оп. 3. Д. 6. Л. 27–30) [1, с. 25; 23].

Кроме убийств и разбойных нападений достаточно часто на территории Восточной Сибири хунхузы совершали вымогательство денежных средств и материальных ценностей (занимались "рэкетом"). Чаще всего от вымогательств страдали китайские подданные, занимавшиеся в Российской империи коммерческой деятельностью. Так, в г. Иркутске 28 июля 1916 г. в 11 часов дня в контору по найму рабочих подрядчика Вана, располагавшуюся по ул. 5-й Солдатской д. 33, явился китайский подданный Сун-ю, который с револьвером в руках вымогал у конторщика Ян-ти-вена в "займы" денежные средства [35]. Другой характерный случай произошел в г. Иркутске 27 марта 1916 г., когда по ул. Иркутской в доме № 1 в 11 часов вооруженные револьвером китайцы Лю-лен-сен и Зиян-ен-бин вымогали денежные средства у китаецца Гон-тана [36].

В 1915 – начале 1916 гг. крупные и мелкие банды хунхузов стали переходить через государственную границу особенно часто. Воспользовавшись Мировой войной и связанными с ней проблемами российских органов власти, преступные группы в составе 10–40 хунхузов совершали нападения на перевозчиков золота, на торговые лавки и т.п. При этом нападали хунхузы как в населенных пунктах, так и за их пределами (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10325. Л. 297об, 465об, 511об). Так, 23 июня 1916 г. на "Авучинском тракте" банда из 40 хунхузов совершила нападение на сборщика податей [12]. Другой характерный случай произошел 3 августа 1916 г., когда было совершено вооруженное нападение банды из 20 хунхузов на прииск Желтугинский в Забайкальской области (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 5299. Л. 81–82). Следует отметить, что особенно притягательными для хунхузов были территории, на которых осуществлялась законная и незаконная добыча золота (ГАЗК. Ф. 13. Оп. 3. Д. 6. Л. 27–30).

В конце 1916 г. произошло массовое проникновение хунхузов в относительно крупные приграничные города Восточной Сибири. В городах обычно орудовали небольшие, а потому неприметные и трудноуловимые группы в составе 3–4 человек. Совершая убийства, вымогательства и разбойные нападения на квартиры и мелкие торговые заведения граждан, хунхузы отнимали у жертв деньги и документы, а в зимний период – теплую одежду. Например, 25 ноября 1916 г. в 19 часов в городе Чите Забайкальской области на Большом острове по улице Муравьева в квартиру китайских граждан неожиданно ворвались 4 вооруженных хунхуза, одетые в черные шубы. Отняв японский кошелек с 4 рублями, черную романовскую шубу и китайские паспорта, преступники скрылись (ГАЗК. Ф. 26. Оп.1. Д. 427. Л. 56). Хунхузы, действовавшие в городах, часто имели короткотельное огнестрельное оружие и обладали высокими навыками его применения (ГАЗК. Ф. 26. Оп.1. Д. 374. Л. 96).

Следует подчеркнуть, что хунхузы при совершении преступлений на российской территории обычно демонстрировали особую агрессивность и жестокость (ГАЗК. Ф. 26. Оп.1. Д. 427. Л. 19–19об). Типичный случай произо-

шёл в Иркутской губернии недалеко от ст. Слюдянка в начале марта 1916 г., когда 4 вооруженных китаец при совершении разбойного нападения на китайцев Сан-цзы-пуня и Сан-цзы-ляня причинили последним огнестрельные ранения [37]. При совершении нападений хунхузы лишали людей жизни, с легкостью отрезали конечности, например, ноги [12], перерезывали потерпевшим горло (ГАЗК. Ф. 26. Оп.1. Д. 374. Л. 3–3об, 4). Не останавливались хунхузы в своей жестокости перед женщинами и малолетними детьми (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10325. Л. 32об, 68об). В качестве примера можно привести преступление, совершенное в Нерчинско-Заводском уезде Забайкальской области в 1912 г. В ночь на 11 июля 3 китайских преступника с особой жестокостью убили крестьянку Маркову, а также трёх её малолетних детей и трёх квартиранток (ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. К. 569. Д. 4339. Л. 110)³. Совершая преступления с особой жестокостью, агрессией, ненавистью, коварством, хунхузы придавали преступности Восточной Сибири соответствующие оттенки [28, с. 45–46].

О высокой криминальной активности хунхузов на российской территории и об их существенном вкладе в уровень криминальности региона ярко свидетельствуют численные соотношения иностранных и российских преступников, задерживаемых за правонарушения полицейскими органами. Например, сотрудниками Читинского сыскного отделения за грабежи и разбой за весь 1912 год в Забайкальской области был задержан 21 человек, и 19 из них были китайскими подданными (ГАЗК. Ф. 26. Оп.1. Д. 374. Л. 10–14об). Примечательно, что выводы о большом вкладе китайских подданных в криминальную обстановку региона согласуются и с убеждениями представителей правоохранительных органов того времени. Так, глава Читинского городского полицейского управления И. С. Бекаревич в 1912 г. докладывал руководству, что в административном центре Забайкальской области (г. Чите) примерно каждое пятое преступление совершается китайскими подданными (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 4543. Л. 239–240; Д. 14244. Л. 196).

Примечательно то, что проблема хунхузничества в восточной части страны в начале XX века органами власти осознавалась [28, с. 46]. Однако её решение осложнялось многими факторами.

Во-первых, преступные группы хунхузы нередко имели очень высокую численность и степень организованности. Численность некоторых банд, действовавших в Восточной Сибири, порой доходила до 3000 участников [13; 23]. И эти цифры не являлись пределом. В северной части Китая были преступные сообщества, численность которых доходила и до 20 000 человек. При этом банды ещё и постоянно пополнялись всё новыми и новыми участниками [17, с. 203–204]. Такой уровень позволял хунхузам не только оказывать мощное сопротивление российским органам власти, но и существенно влиять на различные исторические процессы региона [9; 17, с. 202–205; 28, с. 46–47; 43, с. 23; 44, с. 187–189; 53, с. 415–418].

Во-вторых, численность органов правопорядка в Восточной Сибири в начале XX века была катастрофически низкой. Проблема с численностью сотрудников особенно обострилась в период Первой мировой войны [29, с. 57–59]. Малочисленным правоохранителям оказывать эффективное противодействие крупным хунхузническим бандам с каждым годом становилось всё сложнее и сложнее. Например, из-за собственной малочисленности сотрудники правопорядка несколько дней не могли обезвредить банду, состоящую всего из 12 хунхузов. Эта банда совершила 10 июня 1915 г. серию жестоких корыстных убийств на присяге Дмитриевском Тройсковском уезде Забайкальской области. Какого-либо резерва, способного прибыть в качестве подкрепления и оказать помощь в поимке преступников, просто не было (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10325. Л. 354об).

В-третьих, недостаточная численность правоохранительных служб нередко сопровождалась ещё и отсутствием у многих сотрудников специальных навыков ведения полноценных боевых действий в условиях города, горной местности, таежной или степной местности. Поэтому для поимки иностранных преступников органы правопорядка нередко вынуждены были обращаться за помощью к военному ведомству. Преимущество военных заключалось в

³ ГАИО – Государственный архив Иркутской области

гораздо большей численности и боевой подготовке [7, с. 474–476; 8, с. 174–176]. Быстрее и проще всего согласовывалось привлечение казачьих подразделений (ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10325. Л. 386) [13, с. 8; 17, с. 202–205; 18, с. 72–75].

Следует отметить, что сотрудничество с казачеством было достаточно плодотворным, но не позволяло решить проблему хунхузничества в полной мере. Кроме умелого владения огнестрельным оружием хунхузы нередко обладали навыками ведения слаженных боевых действий. Об этом свидетельствуют различные примеры гибели опытных военных в схватке с хунхузами, даже если численное превосходство было за военными (ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10325. Л. 354, 386об) [13, с. 8; 17, с. 203–204]. Характерный случай произошел в Забайкалье 28 июня 1915 г., когда при задержании казачьим отрядом из 20 человек вооруженной банды из 7 хунхузов погиб казак Забайкальского казачьего войска Михаил Платонович Таракановский, который являлся георгиевским кавалером (ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 15048. Л. 176). Кроме того, казаки лишь физически уничтожали подозреваемых. Они не разбирались в уголовно-процессуальных нормах и к установлению причастности лиц к преступлению относились по-обывательски. Поэтому от действий казаков порой страдали невинные в преступлениях люди. А это подрывало авторитет государственной власти, порождало у населения противодействие властным структурам и побуждало китайских подданных к ответным репрессивным мерам в отношении приграничного населения, особенно принадлежащего к казачьему сословию [19, с. 131–132, 151].

В-четвертых, деятельность органов власти по ликвидации хунхузничества многократно усложнялась перебежками уголовников после совершения преступлений на сопредельную территорию (через государственную границу). Противодействовать этому можно было бы с помощью плотной и качественной охраны государственной границы, а также путем постоянного взаимодействия с китайским правительством, чего в исследуемый период не наблюдалось [44, с. 180]. Среди единичных случаев более или менее плодотворного сотрудничества с китайскими органами власти можно привести пример противодействия в весенне-летний период 1911 г. банде хунхузов численностью около 1000 человек, лидером которой был уголовный авторитет по кличке "Афу" (ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 29. Л. 33, 35, 51, 56, 81, 105, 122).

Таким образом, высокий уровень преступности в Восточной Сибири в начале XX века во многом был следствием приграничного расположения этих территорий. В восточную часть Российской империи без особого труда проникали организованные преступные группы китайских уголовников-профессионалов. Нередко хунхузы на территории Восточной Сибири совершали преступления с особой жестокостью, чем придавали местной преступности соответствующие оттенки. Анализ источников показывает, что хунхузов обычно мало заботила национальность жертв и их подданство. В городах орудовали небольшие преступные группы в составе 3–4 человек. В сельской местности обычно совершали преступления более крупные банды. Численность некоторых группировок доходила и до 3000 участников. При этом хунхузы, действовавшие в Восточной Сибири, часто имели огнестрельное оружие и обладали высокими навыками его применения. Деятельность органов правопорядка по ликвидации китайских организованных преступных группировок многократно усложнялась малочисленностью правоохранительной системы, умением хунхузов оказывать вооруженное сопротивление при задержании, постоянными перебежками китайских уголовников на сопредельную территорию. В 1915–1916 гг. преступная деятельность хунхузов в восточной части Российской империи существенно увеличилась.

Литература

1. Барихин А.Б. Большой юридический энциклопедический словарь. М: Книжный мир, 2008. 792 с.
2. Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб.: Изд-во Р. Асланова "Юридический центр пресс", 2006. 1093 с.

3. Благодер Ю.Г. Сведения о хунхузах в российской периодической печати начала XX в. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы IX международной научно-практической конференции. Отв. ред. А.В. Друзьяка. 2019. С. 25–28.
4. Васильева Н.Л. Преступность на Дальнем Востоке: история и современность // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 2-7. С. 16–22.
5. Вестник полиции. 1917. № 5. С. 100.
6. Гамерман Е.В. Правоохранительные органы российского Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX вв. (1856–1917 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2008. 236 с.
7. Дацышен В.Г. История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX вв. Монография. М.: Директ-Медиа, 2014. 527 с.
8. Дацышен В.Г. Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX–XX вв. Кызыл: Республиканская типография, 2000. 216 с.
9. Дальний Восток. Китайские беспорядки // Сибирская мысль. 1911. 04 июня. № 140. С. 3.
10. Дальний Восток. Брожения в Монголии // Сибирская мысль. 1911. 07 июня. № 142. С. 3.
11. Дальний Восток. Хунхузы // Сибирская мысль. 1911. 28 июня. № 160. С. 3.
12. Дальний Восток. Хунхузы // Иркутская жизнь. 1916. 20 июля. № 179. С. 6.
13. Джетбысбаев Н. Экспедиция против хунхузов в Манчжурии // Разведчик. 1901. 06 марта. № 542. С. 8–9.
14. Ежегодник России 1907 г. (год четвертый). Издание центрального статистического комитета МВД. СПб.: Типография "Т-ва Андерсона и Лойцянского", 1908. 422 с.
15. Ежегодник России 1908 г. (год пятый). Издание центрального статистического комитета МВД. СПб.: Типография "Т-ва Андерсона и Лойцянского", 1909. 464 с.
16. Ершов Д.В. Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке. М: Центрполиграф, 2010. 280 с.
17. Киселёв Д.В. "Китайский генерал Люданцзыр" – хунхуз или патриот?// Общество и государство в Китае. 2010. Т. 40. № 1. С. 201–211.
18. Константинова Т.А. Губернаторы Забайкалья 1851–1917 гг. Чита: Тип. ч.п. Богданова Г.Г., 2001. 91 с.
19. Коробченко А.И., Синиченко В.В. История правоохранительной деятельности полицейских служб России в отношении китайского населения в период с 1860 по 1917 гг. (на примере Восточной Сибири и русского Дальнего Востока). Иркутск: Оттиск, 2011. 162 с.
20. Корреспонденции с линии китайско-восточной железной дороги (Хунхузы) // Голос Сибири. 1912. 01 мая. № 297. С. 3.
21. Ларин А.Г. Китайские мигранты и российский правопорядок. Проблема ответственности // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2009. Т. 14. № 14. С. 115–134.
22. Набег хунхузов // Восточная заря. 1909. 15 ноября. № 173. С. 4.
23. На русско-китайской границе // Сибирская мысль. 1911. 17 июня. № 151. С. 2.
24. Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока (вторая половина XIX–начало XX вв.). Владивосток: ДВФУ, 2004. 372 с.
25. Обзор Забайкальской области за 1910 год. Чита: Типография Забайкальского областного правления, 1911. 144 с., приложения и ведомости.
26. Петров А.И. История китайцев в России: 1856–1917 гг. СПб: Береста, 2003. 958 с.
27. Петров А.И. Изучение китайцев в России 1858–1884 гг. // Россия и АТР. 2022. № 1 (115). С. 188–208.
28. Петров А.С. Китайские подданные в дореволюционное время как проблемный элемент в деятельности органов государственной власти Забайкалья // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 6. С. 45–47.
29. Петров А.С. Малочисленность общей полиции, как основная проблема государственной власти в борьбе с преступностью накануне и в начальный период Первой мировой войны в Забайкалье // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 1. С. 54–59.
30. Петров А.С. Русско-китайский инцидент на забайкальской границе в 1911 году // IV Петряевские чтения: материалы региональной научно-практической конференции. Чита: ЗаБГУ, 2013. С. 122–125.
31. Поздняк Т.З. Опыт легализации опиокурения во Владивостоке в начале XX в. // Известия Восточного института. 2021. № 1 (49). С. 6–19.
32. Поздняк Т.З. Повседневные практики российско-китайского трансграничного взаимодействия во второй половине XIX–начале XX вв. // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2020. Т. 27. С. 117–130.
33. Последние новости // Сибирская мысль. 1911. 25 июня. № 158. С. 1.
34. Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг. М.: ОГИЗ, 1947. 346 с.
35. Происшествия // Иркутская жизнь. 1916. 30 июля. № 187. С. 4.
36. Происшествия // Иркутская жизнь. 1916. 29 марта № 86. С. 3.
37. Происшествия // Иркутская жизнь. 1916. 06 марта. № 63. С. 4.
38. Рудкопов В.Н. Хунхузы // Исторический вестник. 1910. № 6. С. 924–956.

39. Сборник статистических сведений министерства юстиции. Выпуск 23. Часть 1. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской России за 1907 г. Издание 1 Департамента МЮ по 3-му делопроизводству, статистического отделения. СПб.: Сенатская типография, 1909.
40. Сборник статистических сведений министерства юстиции. Выпуск 23. Часть 2. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Азиатской России за 1907 г. Издание 1 Департамента МЮ по 3-му делопроизводству, статистического отделения. СПб.: Сенатская типография, 1909.
41. Сборник статистических сведений министерства юстиции. Выпуск 24. Часть 1. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской России за 1908 г. Издание 1 Департамента МЮ по 3-му делопроизводству, статистического отделения. СПб.: Сенатская типография, 1910.
42. Сборник статистических сведений министерства юстиции. Выпуск 24. Часть 2. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Азиатской России за 1908 г. Издание 1 Департамента МЮ по 3-му делопроизводству, статистического отделения. СПб.: Сенат. тип., 1910..
43. Семенов Г.М. О себе. Воспоминания, мысли выводы. 1904–1921 гг. М.: Центрполиграф, 2007. 304 с.
44. Синиченко В.В. Вооруженное вторжение в Россию китайских незаконных формирований в июле 1915 г. (неизвестные страницы истории Первой мировой войны) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 3. С. 177–189. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-177-189>.
45. Синиченко В.В. Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков. Восточно-Сибирский институт МВД России, 2003. 191 с.
46. Синь Янь, Яблоков Н.П. Овчинский В.С. Борьба с мафией в Китае. Мафия XXI века: сделано в Китае. М.: Норма, 2006. 192 с.
47. Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917). М: Наука, 1989. 127 с.
48. Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX-начало XX вв.). Омск: ОГУ им. Ф.М. Достоевского, 1999. 264 с.
49. Сухачева Г.А. Хунхузы в России // Россия и АТР. 1996. № 4. С. 90–96.
50. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. М.: Юринформцентр, 1997. 525 с.
51. Хэ Бинсун. Организованная преступность. Исследование преступности мафиозного характера в континентальном Китае. Пер. с кит. П.Я. Афремова / Науч. ред. и предисл. докт. юрид. наук, проф. А.И. Коробеева, докт. юрид. наук, проф. В.А. Номоконова. Владивосток: Дальневосток. Ун-т, 2005. 316 с.
52. Шабельникова Н.А. Исторический феномен хунхузничества в рамках современной историографии // Клио. 2021. № 3 (171). С. 45–52.
53. Шабельникова Н.А. Хунхузничество как особый вид бандитизма на Дальнем Востоке России в 1920-е гг. // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. Материалы Второй международной научной конференции / отв. ред. С.М. Дударёнок, М.А. Тулиглович. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2017. С. 413–418.
54. Шелудько В.О. Российская полиция на Северо-Востоке Китая в конце XIX-начале XX вв. // Клио. 2019. № 10 (154). С. 32–37.

References

1. Barikhin A.B. Big legal encyclopedic dictionary. M: Knizhny Mir, 2008. 792 p.
2. Bachinin V.A. Encyclopedia of Philosophy and Sociology of Law. St. Petersburg: R. Aslanov Publishing House "Legal Center Press", 2006. 1093 p. (In Russ.)
3. Blagoder Yu.G. Information about hunghez in the Russian periodical press of the beginning of the 20th century. // Russia and China: history and prospects of cooperation. Materials of the IX international scientific-practical conference. Rep. ed. A.V. Druzyak. 2019. P. 25–28. (In Russ.)
4. Vasilyeva N.L. Crime in the Far East: history and modernity // Modern trends in the development of science and technology. 2017. № 2-7. P. 16–22. (In Russ.)
5. Bulletin of the police. 1917. № 5. P. 100. (In Russ.)
6. Gamerman E.V. Law enforcement agencies of the Russian Far East in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries. (1856–1917). Vladivostok: Dalnauka, 2008. 236 p. (In Russ.)
7. Datsyshen V.G. The history of Russian-Chinese relations in the late nineteenth and early twentieth centuries. Monograph. M.: Direct-Media, 2014. 527 p. (In Russ.)
8. Datsyshen V.G. Essays on the history of the Russian-Chinese border in the second half of the nineteenth and twentieth centuries. Kyzyl: Republican Printing House, 2000. 216 p. (In Russ.)
9. Far East. Chinese riots // Siberian Thought. 1911. June 04. № 140. P. 3.

10. Far East. Fermentation in Mongolia // *Siberian Thought*. 1911. June 07. № 142. P. 3. (In Russ.).
11. Far East. Honghuzy // *Siberian Thought*. 1911. June 28. № 160. P. 3. (In Russ.).
12. Far East. Honghuzy // *Irkutsk life*. 1916. July 20. № 179. P. 6. (In Russ.).
13. Dzhetybysbaev N. Expedition against the Honghuzi in Manchuria // *Scout*. 1901. March 06. № 542. P. 8–9. (In Russ.).
14. Yearbook of Russia 1907 (fourth year). Publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. St. Petersburg: Printing house "T-va Anderson and Loitsyansky", 1908. 422 p. (In Russ.).
15. Yearbook of Russia 1908 (fifth year). Publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. St. Petersburg: Printing house "T-va Anderson and Loitsyansky", 1909. 464 p. (In Russ.).
16. Ershov D.V. Honghuzi: undeclared war. Ethnic banditry in the Far East. M: Tsentrpoligraf, 2010. 280 p. (In Russ.).
17. Kiselev D.V. "Chinese General Ludanczyr" – hunghuz or a patriot? // *Society and the state in China*. 2010. V. 40. № 1. P. 201–211. (In Russ.).
18. Konstantinova T.A. Governors of Transbaikalia 1851–1917 Chita: Type. n.p. Bogdanova G.G., 2001. 91 p. (In Russ.).
19. Korobchenko A.I., Sinichenko V.V. The history of law enforcement activities of the police services of Russia in relation to the Chinese population in the period from 1860 to 1917. (on the example of Eastern Siberia and the Russian Far East). Irkutsk: Otisk, 2011. 162 p. (In Russ.).
20. Correspondence from the line of the Chinese Eastern Railway (Hunhuzy) // *Voice of Siberia*. 1912. January 05. № 297. P. 3. (In Russ.).
21. Larin A.G. Chinese migrants and the Russian legal order. The problem of responsibility // *China in world and regional politics. History and modernity*. 2009. V. 14 № 14. P. 115–134. (In Russ.).
22. Raid hunghuz // *Eastern dawn*. 1909. November 15. № 173. P. 4. (In Russ.).
23. On the Russian-Chinese border // *Siberian Thought*. . 1911. June 17. № 151. P. 2. (In Russ.).
24. Nesterova E.I. Russian administration and Chinese migrants in the south of the Far East (second half of the 19th – early 20th centuries). Vladivostok: FEFU, 2004. 372 p. (In Russ.).
25. Overview of the Trans-Baikal region for 1910. Chita: Printing House of the Trans-Baikal Regional Administration, 1911. 144 p., applications and statements. (In Russ.).
26. Petrov A.I. History of the Chinese in Russia: 1856–1917 St. Petersburg: Beresta, 2003. 958 p. (In Russ.).
27. Petrov A.I. The study of the Chinese in Russia 1858–1884. // *Russia and Asia-Pacific*. 2022. № 1 (115). P. 188–208. (In Russ.).
28. Petrov A.S. Chinese subjects in pre-revolutionary times as a problematic element in the activities of state authorities in Transbaikalia // *State power and local self-government*. M.: Lawyer, 2012. № 6. P. 45–47. (In Russ.).
29. Petrov A.S. The small number of the general police, as the main problem of state power in the fight against crime on the eve and in the initial period of the First World War in Transbaikalia // *State power and local self-government*. M.: Lawyer, 2018. № 1. P. 54–59. (In Russ.).
30. Petrov A.S. Russian-Chinese incident on the Trans-Baikal border in 1911 // *IV Petryaev readings: materials of the regional scientific and practical conference*. Chita: ZabGU, 2013. P. 122–125. (In Russ.).
31. Pozdnyak T.Z. Experience of legalization of opiumsmoking in Vladivostok at the beginning of the 20th century. // *Proceedings of the Oriental Institute*. 2021. № 1 (49). P. 6–19. (In Russ.).
32. Pozdnyak T.Z. Everyday practices of Russian-Chinese cross-border interaction in the second half of the 19th and early 20th centuries. // *Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2020. V. 27. P. 117–130. (In Russ.).
33. Latest news // *Siberian Thought*. 1911. June 25. № 158. P. 1.
34. Przhhevskiy N.M. Journey in the Ussuri region. 1867–1869 M.: OGIz, 1947. 346 p. (In Russ.).
35. Incidents // *Irkutsk life*. 1916. July. 30. № 187. P. 4. (In Russ.).
36. Incidents // *Irkutsk life*. 1916. March 29. № 86. P. 3. (In Russ.).
37. Incidents // *Irkutsk life*. 1916. March 06. № 63. P. 4. (In Russ.).
38. Rudokopov V. N. Khunhuzy // *Historical Bulletin*. 1910. № 6. P. 924–956. (In Russ.).
39. Collection of statistical information of the Ministry of Justice. Issue 23. Part 1. Information about the personnel and the activities of the judicial institutions of European Russia for 1907. Edition 1 of the Department of the Ministry of Justice for the 3rd office work, statistical department. St. Petersburg: Senate Printing House, 1909. (In Russ.).
40. Collection of statistical information of the Ministry of Justice. Issue 23. Part 2. Information about the personnel and the activities of the judicial institutions of Asiatic Russia for 1907. Edition 1 of the Department of the Ministry of Justice for the 3rd clerical work, statistical department. St. Petersburg: Senate Printing House, 1909. (In Russ.).
41. Collection of statistical information of the Ministry of Justice. Issue 24. Part 1. Information about the personnel and the activities of the judicial institutions of European Russia for 1908. Edition 1 of the Department of the Ministry of Justice for the 3rd office work, statistical department. St. Petersburg: Senate Printing House, 1910. (In Russ.).

42. Collection of statistical information of the Ministry of Justice. Issue 24. Part 2. Information about the personnel and the activities of the judicial institutions of Asiatic Russia for 1908. Edition 1 of the Department of the Ministry of Justice for the 3rd clerical work, statistical department. St. Petersburg: Senate. type., 1910. (In Russ.).
43. Semenov G.M. About Me. Memories, thoughts conclusions. 1904–1921 M.: Tsentrpoligraf, 2007. 304 p. (In Russ.).
44. Sinichenko V.V. Armed invasion of Russia by Chinese illegal formations in July 1915 (unknown pages of the history of the First World War) // News of the Laboratory of Ancient Technologies. 2019. V. 15. № 3. P. 177–189. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-177-189>. (In Russ.).
45. Sinichenko V.V. Offenses of foreigners in the east of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. 191 p. (In Russ.).
46. Xin Yan, Yablokov N.P. Ovchinsky V.S. Fighting the mafia in China. Mafia of the 21st century: Made in China. M.: Norma, 2006. 192 p. (In Russ.).
47. Soloviev F.V. Chinese otkhodnichestvo in the Far East of Russia in the era of capitalism (1861–1917). M: Nauka, 1989. 127 p. (In Russ.).
48. Sorokina T.N. Economic activities of Chinese subjects in the Russian Far East and the policy of the administration of the Amur region (late 19th – early 20th centuries). Omsk: OGU im. F.M. Dostoevsky, 1999. 264 p. (In Russ.).
49. Sukhacheva G.A. Honghuzi in Russia // Russia and the Asia-Pacific Region. 1996. № 4. P. 90–96. (In Russ.).
50. Tikhomirova L.V., Tikhomirov M.Yu. Legal Encyclopedia. M.: Yuriinformtsentr, 1997. 525 p. (In Russ.).
51. He Bingsun. Organized crime. A study of mafia crime in mainland China. Per. with whale. P.Ya. Afremova / Nauch. ed. and foreword. doc. legal sciences, prof. A.I. Korobeeva, Dr. legal sciences, prof. V.A. Nomokonov. Vladivostok: Dalnevost. Univ., 2005. 316 p. (In Russ.).
52. Shabelnikova N.A. The historical phenomenon of hunghuzism within the framework of modern historiography // Clio. 2021. № 3 (171). P. 45–52. (In Russ.).
53. Shabelnikova N.A. Khunhuzism as a special type of banditry in the Russian Far East in the 1920s. // Vladivostok – a point of return: past and present of Russian emigration. Proceedings of the Second International Scientific Conference / ed. ed. CM. Dudarenok, M.A. Tuliglovich. Khabarovsk: RIO FYUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. P. 413–418. (In Russ.).
54. Sheludko V.O. Russian police in the North-East of China in the late nineteenth and early twentieth centuries. // Clio. 2019. № 10 (154). P. 32–37. (In Russ.).

Информация об авторе

Артем Сергеевич Петров, канд. ист. наук, доцент кафедры международного права и международных связей Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия, e-mail: partem11@rambler.ru

Information about the author

Artem S. Petrov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Law and International Relations, Transbaikal State University, Chita, Russia, e-mail: partem11@rambler.ru

Поступила в редакцию 11.05.2023

Одобрена после рецензирования 02.08.2023

Принята к публикации 24.08.2023

Received 11.05.2023

Approved 02.08.2023

Accepted 24.08.2023